

© 1995 г., ЭО, № 1

Ю. И. Семенов. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1.—3. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XX. Экономическая этнология. Кн. 1. М., 1993. 710, XXV с.

Ю. И. Семенова нет необходимости представлять специально. Он хорошо известен специалистам по этнологии и первобытной истории как автор четырех монографий («Возникновение человеческого общества». Красноярск, 1962; «Как возникло человечество». М., 1966; «Происхождение брака и семьи». М., 1974; «На заре человеческой истории». М., 1989) и множества других работ, посвященных как этим, так и другим сюжетам (истории первобытного, предклассового и раннего классового общества, философии, истории, теории познания и т. п.). В отличие от других монографий Ю. И. Семенова, в которых наряду с этнографическими используются материалы этнологии, палеоантропологии, археологии, фольклористики и других наук, данная работа основывается исключительно на данных этнологии.

Монография посвящена той пограничной между этнографией и политической экономией области знания, которая на Западе именуется экономической антропологией, а у нас экономической этнологией (этнографией). Предметом исследования экономической этнологии как особой научной дисциплины является отнюдь не хозяйство в целом, а лишь социально-экономические отношения, во-первых, доклассового (собственно первобытного и предклассового) общества, во-вторых, крестьянских общин классового общества. Книга Ю. И. Семенова посвящена исключительно первобытной и предклассовой экономике (*primitive economy*). Крестьянская экономика (*peasant economy*) в ней затрагивается лишь попутно.

Первая глава — «Экономика: общий категориальный аппарат» носит вводный общетеоретический характер. В ней автор излагает особенности своего подхода к проблеме и раскрывает содержание основных понятий, используемых в работе. Особое внимание он уделяет понятию собственности, четко различая два вида отношений собственности: экономические, материальные отношения собственности и волевые отношения собственности, которые в классовом обществе принимают форму правовых. Экономические отношения собственности не представляют собой особого компонента социально-экономической структуры. Никаких других экономических отношений, кроме отношений распределения и обмена, не существует. И эти отношения распределения и обмена одновременно являются и отношениями собственности. Собственность как экономическое отношение представляет собой сторону, а еще точнее, сущность связей распределения и обмена. Как особое явление, отличное от отношений распределения и обмена, существуют лишь волевые отношения собственности.

В центре внимания автора находится собственность как экономическое отношение. Исходя из этого, он дает собственную трактовку понятий пользования и распоряжения. Природу пользования и распоряжения невозможно понять, не рассматривая распределения и обмена. Однако невозможно раскрыть сущность распределения и обмена, не обращаясь к понятиям пользования и распоряжения. Автор подразделяет собственность на общественную, отдельную, обособленную и частную. В свою очередь, отдельная, обособленная и частная собственность может быть как персональной, так и групповой, а частная также еще и общеклассовой. Наряду с подразделением частной собственности на персональную, групповую и общеклассовую ученый уже по иному признаку проводит различие между полной и верховной частной собственностью. Не ограничиваясь уточнением уже существующих понятий, Ю. И. Семенов вводит новые: ячейка собственности, хозяйственная ячейка, иждивенческо-потребительская ячейка, хозяйственный организм.

Во второй главе — «История и современное состояние исследования экономики доклассового общества» рассматривается дальняя и ближняя предистория и история экономической этнологии. Как особая научная дисциплина экономическая антропология оформилась лишь в 20-х годах XX в. С тех пор был накоплен поистине гигантский фактический материал, который настоятельно потребовал теоретического осмысления и обобщения. В результате в западной экономической этнологии возникли два основных идейных течения, между которыми развернулась упорная борьба. Сторонники первого из них исходили из того, что различие между капиталистической и первобытной экономикой носит не качественный, а лишь количественный характер, и поэтому как к той, так и к другой в одинаковой степени применима распространенная в западной экономической науке так называемая формальная экономическая теория, или маржинализм. Они получили название формалистов. Их противники — субстантивисты настаивали на коренном, качественном отличии первобытной экономики от капиталистической. Убедительно показав, что маржинализм является концепцией исключительно капиталистической экономики, они настаивали на необходимости создания особой теории первобытной экономики. В ходе дискуссии, пик которой пришелся на 60-е годы, была убедительно показана полная бесплодность и практическая бесполезность формалистского подхода к первобытной экономике. Но и субстантивистам, несмотря на все их усилия, не удалось создать теорию первобытной экономики. В

результате на рубеже 60-х и 70-х годов западная экономическая антропология оказалась в состоянии глубокого теоретического кризиса. Материал продолжал накапливаться, а никакой теории создать не удавалось.

И только Ю. И. Семенов удалось найти выход из этого теоретического тупика. Он впервые в истории не только нашей, но и мировой науки предложил всесторонне разработанную теорию доклассовой экономики. И, на мой взгляд, это совершенно не случайно. Еще в конце 60-х годов ряд западных исследователей (Р. Франкенберг, С. Кук) пришли к выводу, что помочь найти выход из теоретического тупика, в котором оказалась экономическая антропология, может только обращение к марксизму. Некоторые западные ученые (М. Годелье, Э. Террей, Дж. Кэзмер, Д. Седдон и др.), не ограничиваясь призывами, попытались применить марксизм для исследования первобытной экономики. Однако чаще всего это сводилось у них к простому облачению давно известных фактов и концепций в наряд марксистской терминологии, что, конечно, заведомо не могло привести к какому-либо продвижению вперед в данной области.

Ю. И. Семенов впервые применил подлинный марксистский подход к осмыслению данных о доклассовой экономике. В результате он создал целостную систему категорий, воспроизводящую не только статику, но и динамику социально-экономической структуры первобытного и раннего предклассового общества. Ученый выявил как основные стадии эволюции доклассовой экономики, так и закономерности перехода от одного такого этапа к другому.

Весь период от возникновения подлинного человеческого общества до появления классов и государства Ю. И. Семенов подразделяет на стадию собственно первобытного общества и стадию предклассового, т. е. переходного от собственно первобытного к классовому, общества. В свою очередь период собственно первобытного общества делится у него на фазу раннего первобытного общества и фазу позднего первобытного общества.

На стадии раннепервобытного общества объем общественного продукта был столь невелик, что весь или почти весь этот продукт был жизнеобеспечивающим. Избыточного продукта или совсем не было, или он был сравнительно невелик. В силу этого единственной возможной формой распределения общественного продукта между членами общества было его распределение по потребностям, что с необходимостью предполагало полную собственность общества на весь этот продукт. На этой стадии любой человек имел право на долю продукта, создаваемого членами общины, исключительно лишь в силу того, что был членом общины. Других оснований не требовалось. Не имело значения, принимал ли он участие в добычании данного конкретного продукта или не принимал. Иначе говоря, общество на данном этапе было первобытнокоммунистическим, или, короче, коммуналистическим. В нем действовал принцип: от каждого по способностям, каждому по потребностям.

Первобытнокоммунистические, или коммуналистические, отношения не оставались неизменными. Пока весь продукт был только жизнеобеспечивающим, весь он в ходе распределения поступал лишь в пользование, но не в распоряжение, тем более в собственность отдельных лиц. Получив долю общественного продукта, человек мог использовать ее исключительно лишь для физического потребления, но не для других целей. Такого рода экономические отношения распределения и одновременно собственности автор именует разборно-коммуналистическими. На данной стадии развития они были единственными существующими.

С появлением пусть небольшого, но регулярного избыточного продукта возникла возможность использования членами общества продукта и для иных целей, кроме непосредственного потребления. Впервые возникли отношения обмена, но не товарами, а дарами. Дарообмен имел место лишь между членами разных общин. Эта своеобразная форма обмена, игравшая огромную роль на протяжении всей истории доклассового общества, детально исследована в работе. Одновременно с возникновением дарообмена существенно изменились отношения распределения. Наряду с разборно-коммуналистическими появились дележно-коммунистические отношения. Теперь каждому взрослому члену общины стала выделяться доля общественного продукта, которой он мог распорядиться. Часть этого продукта он потреблял, часть использовал для разных социальных нужд, в частности дарил. Ю. И. Семенов убедительно показывает, что то, что принимается многими исследователями за личную собственность, является в действительности лишь индивидуальным распоряжением объектами, находящимися в общественной собственности.

Дележно-коммуналистические отношения существовали в трех формах: разделоделжных, дачеделжных и трудоделжных. Возникла и такая промежуточная форма, как дачеразборные отношения. Вместе с дележно-коммунистическими отношениями возникли иждивенческие (включая дачевкладные), и тем самым внутри общества выделялись иждивенческо-потребительские ячейки. Одной их формой была *родья* — группа, состоявшая из братьев, сестер и детей сестер, другой — семья. Возникновение семьи предполагало появление брака между индивидами. Последнее в конце концов привело к тому, что община перестала совпадать с родом.

С появлением регулярного избыточного продукта общество оказалось в состоянии обеспечить прожиточным минимумом всех своих взрослых членов даже в том случае, если бы не все они принимали участие в труде. В условиях, когда достаточным основанием для получения доли продукта была принадлежность к общине, это создавало возможность частичного или даже полного социального паразитизма, что неминуемо должно было привести к падению объема общественного продукта. Дальнейшее развитие стало невозможным без появления новых стимулов к труду. Объективная заинтересованность общества в том, чтобы все его члены по-прежнему продолжали интенсивно трудиться, нашла свое выражение в почете, которым стали окружать людей, вносящих больший, чем остальные, вклад в создание общественного продукта.

Все это сделало необходимым достаточно четкое установление вклада человека в общественный фонд. Результатом было возникновение различия между распределительной долей продукта, которую человек получал по труду, и потребительной, которую он продолжал получать по потребностям. Соот-

ветственно возросла роль трудодележа и дачедележа и изменился характер разделодележа. У некоторых народов последний даже совсем исчез. Получил развитие дачеразбор, который нередко стал принимать форму высшего пира.

Все это, несомненно, способствовало развитию производительных сил, но лишь до определенного уровня. Необходимостью была более серьезная трансформация экономических отношений. И она могла состоять на первых порах лишь в переходе от распределения по потребностям к распределению по труду. С началом становления трудового распределения первобытная экономика, а тем самым и общество вступило в новую фазу своего развития. На смену раннепервобытному обществу пришло позднепервобытное. Последнее уже не может быть охарактеризовано как первобытнокоммунистическое, или коммуналистическое, хотя распределение по потребностям в нем все еще полностью не исчезло.

Возникновение распределения по труду привело к изменению всей системы социально-экономических отношений. Утверждение трудового распределения с необходимостью предполагало возникновение собственности отдельных лиц по крайней мере на часть продукта и постепенное возникновение отношений обмена во внутри общины. Если раньше циркуляция общественного продукта внутри общины происходила в форме распределения, то теперь она все в большей степени стала совершаться в форме обмена. В свою очередь возникновение отдельной собственности и превращение отношений между членами общины в возмездные с неизбежностью влекло за собой становление имущественного и социального неравенства.

Но становление новых отношений шло далеко не просто. Оно отнюдь не сводилось к переходу от дачедележа к дачеобмену, хотя это и имело место. С переходом к новой фазе произошло своеобразное разделение экономики, разделение системы социально-экономических отношений. Наряду с системой циркуляции жизнеобеспечивающего продукта возникли особые системы обращения избыточного продукта. Описаны они были давно. Как особое экономическое явление они были выделены Б. Малиновским — основоположником экономической этнологии. В последующем с легкой руки К. Дюбуа они были названы престижной экономикой. Но хотя название было найдено, престижная экономика оставалась для этнологов явлением во многом непонятным. Загадка престижной экономики была впервые разгадана Ю. И. Семеновым. Он вскрыл сущность этого парадоксального явления и показал его огромную роль в развитии социально-экономических отношений первобытности.

Престижная экономика представляет собой не что иное, как особую систему дарообмена. В своем завершенном виде она включает в себя три компонента: дародачеобмен, дароплатежеобмен и великодарообмен. Дародача для своей реализации не требовала особых условий. Примеры ее: кула у меланезийцев Массима, мербок у мулук и манделла Арнемленда, кхсаро у бушменов области Добе (Калахари). Различного рода дароплатежи (родильные, инициационные, брачные, смертные, компенсационные, включая вергельд, и др.) чаще всего происходили на особом рода собраниях — даропредставлениях. Великораздашивание всегда происходило на дароторжествах, примерами которых являются потлачи у индейцев Северной Америки, пиры вестников и пиры мертвых у эскимосов Аляски, хаби саука у варрау дельты Ориноко, ореховые и свиные праздники у папуасов Новой Гвинеи, мумина и сиуан о. Бугенвиль, варава у островитян Вогое, пукамуни у тиви Северной Австралии. Великодарообращение было главной составной частью престижной экономики. Поэтому его детальному исследованию посвящено в общей сложности более сотни страниц монографии. Развитие престижной экономики привело к появлению особого рода престижных ценностей, которые иногда не имели никакого утилитарного значения. Их нередко называют примитивными деньгами. Примером могут послужить раковинные деньги Океании и Северной Америки.

Стремление к престижу, зародившееся на более ранней стадии развития первобытной экономики, на данном этапе получило новую экономическую основу и обрело новую форму. Ранее престиж давал больший, чем у остальных, вклад в создание общественного продукта и соответственно более щедрый, чем у других, дачеделаж, теперь — все более щедрый дароплатеж и в особенности все более щедрое великораздашивание. С возникновением престижно-экономических отношений появился могучий стимул к производству. Для дародач, дароплатежей и особенно великодаров требовалась все большая масса избыточного продукта. Она могла быть создана лишь трудом.

Чтобы больше дарить, нужно было больше иметь. На первых порах дарили в основном продукт, созданный собственным трудом человека или трудом членов его семьи. Но этого было мало. Стали возникать различного рода системы мобилизации продуктов чужого труда — редистрбутивные системы. Достаточно эффективные, такие системы могли возникнуть лишь вокруг ограниченного числа лиц. Пока человек в большей или меньшей степени возмещал полученный от других продукт, престиж его по-прежнему зависел в конечном счете прежде всего от того, сколько он производил сам. Поэтому желание добиться возможно большего престижа с необходимостью порождало стремление к безвозмездному присвоению продуктов чужого труда, т. е. к эксплуатации других людей. Только она могла обеспечить безграничный рост престижа. Так наряду с неэксплуаторскими редистрбутивными системами возникли эксплуататорские. Первой формой безвозмездного присвоения продуктов чужого труда был редистрбутивный метод эксплуатации. С его появлением часть избыточного продукта стала одновременно и продуктом прибавочным.

Двумя основными разновидностями редистрбутивных систем были персонализированные и объективированные. Соответственно существовало два типа редистрбуторов. За одним из них в этнографической литературе закрепился термин «бигмен». Для обозначения второго Ю. И. Семенов использует термин «чифмен». Бигмены представляли одну линию развития престижной экономики, чифмены — другую. Но эти линии не были совершенно самостоятельными. Они представляли два варианта одного и того же, в сущности, процесса. Это единство проявлялось во взаимном переходе: бигмены могли превращаться в чифменов, а чифмены в бигменов. И оно лежит в основе единой периодизации развития престижной экономики. Первый ее этап характеризуется существованием редистрбуторов, которые

еще не были эксплуататорами. Это было время ранних бигменов и ранних чифменов. На следующем этапе и те и другие начали использовать реди́стрибу́тивный метод эксплуатации. Такого рода бигменов и чифменов Ю. И. Семенов именует поздними. И первый и второй этапы эволюции престижной экономики все еще находятся в рамках позднепервобытного общества. Переход к третьему этапу означает выход за пределы собственно первобытного общества.

Но прежде чем говорить о нем, нужно привести содержащуюся в монографии характеристику позднепервобытной экономики в целом. Возникновение престижно-экономических отношений, которые представляли собой прежде всего связи между общинами, серьезно сказалось на экономических отношениях внутри общины. Принцип эквивалентного возмещения, зародившийся в системе престижно-экономических отношений, постепенно начал проникать в жизнеобеспечивающую экономику. Возникли такие своеобразные переходные экономические формы, как дачевозврат и помогодача. Первой формой подлинного обмена между членами общины стал услугоплатеж, появление которого в значительной степени способствовало развитию ремесла. Если не у всех, то у части народов стал возникать товарообмен, который, однако, имел место лишь между членами разных общин. На первых порах дарообмен обычно происходил в оболочке дарообмена. Эту переходную форму Ю. И. Семенов называет дароторговлей. Вместе с товарообменом стали возникать своеобразные ярмарки.

Но хотя позднепервобытная экономика не может быть охарактеризована как первобытнокоммунистическая (коммуналистическая), ее объединяет с раннепервобытной одна важная черта. И на этой стадии все без исключения члены общества имели свободный доступ ко всем ресурсам и средствам производства. И в этом отношении между всеми ими существовало равенство, что отнюдь не исключало неравенства в других отношениях, в частности имущественного и даже прасоловного.

Возможности реди́стрибу́тивной формы эксплуатации были, однако, довольно ограниченными. Она была только методом, но не образом, тем более способом эксплуатации. Не останавливаясь на определенных всех этих понятиях (метод, образ, способ эксплуатации), отмечу лишь, что они детально разработаны Ю. И. Семеновым и, на мой взгляд, являются очень полезными. Под реди́стрибу́тивным методом эксплуатации не было прочной основы в виде оформившейся частной собственности. Эксплуататоры-реди́стрибуторы не располагали достаточными средствами, чтобы заставить эксплуатируемых давать им все больше и больше продукта. В результате дальнейшего развития пошло, с одной стороны, по линии превращения реди́стрибу́тивного метода в очень своеобразный образ эксплуатации, который автор называет преполитарным, а с другой — по пути возникновения все новых и новых образов, а далее и способов эксплуатации, которые были одновременно образами или способами производства. Все они были основаны на частной собственности. С возникновением частной собственности наряду с продолжавшими существовать распределением по потребностям и распределением по типу появился новый вид распределения — распределение по собственности. Зарождение частной собственности и различных образов эксплуатации означало переход от собственно первобытного общества к предклассовому.

Возникновение всех образов эксплуатации, кроме преполитарного, было теснейшим образом связано с появлением таких новых экономических отношений, как помогообменные, помоговзаимные и заемно-долговые. Получили дальнейшее развитие услугоплатежные связи и товарообмен, который уже в значительной степени освободился от оболочки дарообмена. У ряда групп появились регулярные рынки. Началось становление денег и денежного обращения. Нередко деньгами начали становиться престижные ценности. Так, например, раковинные деньги, зародившиеся в сфере престижного дарообмена, в дальнейшем у ряда народов начали превращаться в подлинные (товарные) деньги. Но наряду с этим, они еще долгое время продолжали использоваться в сфере престижного дарообращения в качестве дароплатежей и великодаров.

Как известно, в нашей научной литературе долгое время все формы эксплуатации по существу сводились к трем: рабовладельческой, феодальной и капиталистической. В противовес этому Ю. И. Семенов показывает огромное разнообразие форм эксплуатации, существовавших уже на стадии предклассового общества. Вслед за преполитарным возникли такие образы эксплуатации, как помогодоминатный, заемнодоминатный и, наконец, доминатный, существовавший в пяти вариантах, четыре из которых (доминатно-приживальческий, доминатно-брако-приживальческий, доминатно-кабальный и доминатно-рабовладельческий) возникли на стадии раннего предклассового общества, а пятый — доминатно-наймитский — на стадии позднего предклассового общества. В последнюю эпоху возникли также три варианта магнатного образа (затем способа) эксплуатации: магнатно-рабовладельческий, магнатно-кабальный и магнатно-арендный.

На стадии раннего предклассового общества число вариантов экономической структуры общества, а тем самым и самого общества выросло до пяти. Этими вариантами были: 1) общество с позднейшими бигменами, 2) общество с позднейшими чифменами, 3) преполитарное общество, 4) преполитарное общество, 5) геронтократическое общество. Все эти варианты экономики и общества детально рассматриваются в рецензируемой монографии. Возникая на предшествующей стадии престижная экономика в раннем предклассовом обществе достигла наивысшего своего расцвета. С переходом к позднему предклассовому обществу она начала отмирать. Но этот процесс затянулся на долгие века. Доказывая, что престижная экономика представляет собой не региональное, а стадияльное явление, Ю. И. Семенов приводит примеры существования отчетливых пережитков даже дароторговли у русских крестьян в XIX и в начале XX в.

Экономика позднего предклассового общества в монографии специально не рассматривается. Как отмечает автор, это тема другой работы. Лишь в последнем разделе последней (16-й) главы монографии набрасывается картина превращения преполитарного образа производства в протополитарный способ производства, а в «Заключениях» дается обстоятельная характеристика одного из четырех вариантов позднего предклассового общества, а именно того, что базировался на протополитарном способе производства.

Протополитарный способ производства представлял собой формирующийся политарный способ производства — тот самый, который известен под названием «азиатского» и был фундаментом первых подлинных классовых обществ. В «Заключении» дан детальный анализ социально-экономического строя как протополитарных, так и политарных обществ. И на этом монография Ю. И. Семенова завершается.

Все варианты экономической структуры поздних предклассовых и ранних классовых обществ рассматриваются Ю. И. Семеновым в статье «Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития» (Этнографическое обозрение, 1993, № 1, 2), которая является своеобразным продолжением монографии.

Но если даже иметь в виду только рецензируемый труд, то необходимо отметить, что в нем дается впечатляющая картина зарождения частной собственности, классов и первых форм эксплуатации человека человеком. В нем прослежена объективная логика развития экономики от стадии безраздельного господства первобытного коммунизма до зарождения политарного («азиатского») способа производства, с которым человечество вступило в эпоху цивилизации.

Изагая свою концепцию первобытной экономики, Ю. И. Семенов нигде не ограничивается анализом одних лишь социально-экономических отношений. Этот «скелет» общества он везде облекает плотью и кровью всех остальных общественных отношений. В монографии рассматривается отношение экономических и волевых связей в первобытном обществе, экономики и морали, экономики и родства, экономики и власти, прослеживается эволюция организации власти в первобытном и предклассовом обществе, брака и семьи, развитие не только собственности, но и понятий о собственности, зарождение понятий о скупости и щедрости и т. п. В результате доклассовое общество предстает в работе как живое.

Ю. И. Семенов нигде не ограничивается изложением одной лишь теории. Его концепция создана на базе обобщения поистине гигантского фактического материала, накопленного за последние 100—150 лет как отечественными, так и зарубежными исследователями. Достаточно сказать, что в списке литературы приведены названия более 1000 работ, в том числе около 800 на иностранных языках. И это только те работы, на которые имеются ссылки в тексте. По существу нет ни одной монографии по доклассовой экономике, ни одного тематического сборника, ни одной сколько-нибудь значительной статьи по данной проблеме из числа изданных до 1990 г., которые не были бы использованы в рецензируемой монографии.

Все выдвинутые им положения автор подтверждает фактами. Причем он приводит не отдельные примеры, которыми, как известно, можно подтвердить что угодно, а целостную совокупность фактов. Приводя материалы об экономике того или иного народа, Ю. И. Семенов указывает, где и в каких условиях этот народ живет, какова его численность, когда он вступил в контакт с европейцами, когда и кем были собраны факты, насколько можно доверять свидетельствам исследователя или исследователей, насколько они согласуются между собой. Он не скрывает наличие противоречий, имеющих в трудах этнографов, существование белых пятен и т. п. Вся рецензируемая работа проникнута необычайным уважением к фактам, стремлением исходить из них и только из них.

Труд Ю. И. Семенова представляет собой не только теоретическое исследование, но и уникальный свод данных по экономике первобытного и раннего классового общества, не имеющий равных в мировой этнологической литературе. Использование этой работы как энциклопедического справочника по доклассовой экономике в значительной степени облегчается наличием прекрасного справочного аппарата. У нас обычно предпочитают экономить на указателях, что недопустимо, когда речь идет о серьезных научных исследованиях. К счастью, издатели монографии Ю. И. Семенова этой печальной традиции не следовали. Книга содержит подробный и одновременно развернутый предметный указатель, занимающий более 30 страниц, указатель этнических названий, содержащий около 400 этнонимов, указатель географических названий и, наконец, указатель имен.

Выше я уже отмечал, что Ю. И. Семенов в своей работе пользуется марксистским подходом к обществу и его истории. Но это совершенно не равносильно утверждению, что в своем исследовании он исходил из взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на первобытность. Наоборот, все или почти все их конкретные положения, относящиеся к первобытному обществу, он подвергает обстоятельной критике.

Ю. И. Семенов категорически отвергает положение Ф. Энгельса о том, что на стадии первобытности общественные порядки, при которых жили люди, были обусловлены прежде всего производством человека. По его мнению, весь фактический материал неопровержимо свидетельствует, что и на этой стадии, как и на всех последующих, решающим фактором общественного развития было производство материальных благ. Считает он ошибочным и положение К. Маркса, что первобытное общество покоилось на естественных связях, основывалось на отношениях кровного родства. Как показывает Ю. И. Семенов, родственные связи на всех этапах развития, включая и первобытность, были отношениями отнюдь не естественными, природными, а социальными, причем волевыми социальными, и, разумеется, никак не могли лежать в основе общества. В фундаменте первобытных социально-исторических организмов, как и в основе всех более поздних, находились связи социально-экономические.

По мнению автора, основное положение материалистического понимания истории — тезис о примате экономики — полностью правилен и в применении к первобытности. В этом смысле Ю. И. Семенов является более последовательным сторонником материалистического понимания истории, чем К. Маркс и Ф. Энгельс. Он полностью согласен с Г. Куновым, который считал, что данная идея Ф. Энгельса находится в противоречии с материалистическим пониманием истории. Но он добавляет к этому, что она одновременно находится и в полном противоречии с исторической реальностью. К. Маркс и Ф. Энгельс, выдвигая приведенные выше положения, отходили, по его мнению, не только от материалистического понимания истории, но, главное, от истины.

Таким образом, по мнению Ю. И. Семенова получается, что К. Маркс и Ф. Энгельс не сумели подойти к первобытной истории материалистически.

Я выше уже писал о попытках некоторых западных исследователей использовать марксизм для выхода из теоретического тупика, в котором оказалась экономическая антропология. Пытаясь это сделать, они обращались к идеям основоположников марксизма относительно первобытности. Но так как данные идеи по существу марксистскими не были, то все их усилия остались безрезультатными.

Чтобы подойти материалистически к первобытной истории, нужно было, взяв на вооружение основные идеи марксистской философии истории, последовательно распространить их на первобытность, что предполагало отказ от почти всех идей основоположников марксизма, относящихся к первобытному обществу. Сумел это сделать только Ю. И. Семенов, что обеспечило ему успешное выполнение поставленной задачи.

Критике Ю. И. Семенов подверг не только общие, но и более частные высказывания основоположников марксизма о первобытности. Была показана ошибочность их схемы эволюции социально-экономических отношений у земледельцев, согласно которой на первом этапе родовая община имела общее поле, где совместно трудились все ее члены, а во втором — внутри общины выделялось несколько больших семей, к которым перешла функция ведения хозяйства, а на третьем — большие семьи распались на малые, каждая из которых самостоятельно вела хозяйство. Ошибочным был и взгляд К. Маркса и Ф. Энгельса на «земледельческую» общину, примером которой являлась русская крестьянская община XIX в., как на образование, являвшееся первобытнокоммунистическим.

И несмотря на все это, а скорее именно в силу этого Ю. И. Семенов, несомненно, является приверженцем материалистического понимания истории. Но принимая все основные положения философского материализма, он в то же время их в значительной степени модернизирует. В свою философско-историческую концепцию ученый свободно вводит понятия, отсутствующие у классиков марксизма: социально-исторический организм, ячейка собственности, метод эксплуатации, образ производства, параформация и т. п. В ряде работ им было изложено свое понимание смены общественно-экономических формаций, которое отличается от ортодоксального. В определенные эпохи эта смена носила характер передачи эстафеты от одних народов и обществ к другим.

Разрабатывая теорию общественно-экономической формации, которую К. Маркс именовал «азиатской», Ю. И. Семенов не принимает его положение об отсутствии в этом обществе частной собственности. Давая свою оригинальную трактовку частной собственности, автор показывает, что и это классовое общество, как и все прочие, базировалось на частной собственности, но особого рода — общеклассовой частной собственности.

Таким образом, ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс не являются для автора рецензируемой работы авторитетами, которым можно доверяться безусловно. Он сопоставляет их положения с исторической реальностью и принимает только те, которые с ней согласуются. От всех остальных он без колебания отказывается.

Как считал В. И. Ленин, материалистическое понимание истории оставалось гипотезой, пока не нашло своего подтверждения в «Капитале» К. Маркса. В наше время авторитет «Капитала» в значительной степени пошатнулся, ибо, как известно, развитие капитализма пошло не совсем так, как предсказывал К. Маркс. Сейчас, как никогда раньше, возникла потребность в подведении под материалистическое понимание истории нового фактического фундамента. И, на мой взгляд, эту задачу блестяще выполнил Ю. И. Семенов.

Материал первобытной истории, как никакой другой, наглядно демонстрирует правильность всех основных положений материалистического понимания истории. Прежде всего, положения о существовании не одной, а нескольких качественно отличных систем экономических отношений, а тем самым и нескольких систем общественного производства. К выводу о том, что между первобытной и капиталистической экономикой существует коренное, качественное различие, пришли, как мы уже видели, многие специалисты по экономической этнологии. Затем этот материал неопровержимо свидетельствует о том, что характер экономических, производственных отношений определяется уровнем развития производительных сил. Ю. И. Семенов наглядно показал, что, пока объем общественного продукта таков, что он весь или почти весь является жизнеобеспечивающим, никаких других экономических отношений, кроме первобытнокоммунистических, коммуналистических, существовать не может. А объем общественного продукта является не чем иным, как показателем уровня развития сил, создающих этот продукт, т. е. производительных сил общества.

Данные экономической этнологии убедительно доказывают правильность марксистского тезиса о том, что общественное производство является саморазвивающейся системой. Ю. И. Семенов показывает, как прогрессирующие под стимулирующим воздействием существующих производственных отношений производительные силы рано или поздно достигают такого уровня, что производственные отношения из движущей силы развития превращаются в тормоз. Возникает настоятельная необходимость в трансформации производственных отношений, в приведении их в соответствие с достигнутым уровнем развития производительных сил. Новые производственные отношения, возникая, дают мощный толчок развитию производительных сил, и история повторяется, но уже на ином уровне. На протяжении всей истории первобытного и раннего предклассового общества этот процесс происходил без революций. Он носил характер медленной эволюции.

На примере первобытного и предклассового общества зримо видна зависимость развития надстройки от развития экономического базиса. В монографии убедительно демонстрируется, как с трансформацией экономических отношений изменяются взгляды и представления людей, исчезают одни и возникают другие понятия, изменяются нормы поведения, брачно-семейные отношения, потестарная организация и т. д. и т. п.

Крупным достижением Ю. И. Семенова является детальная разработка им проблемы соотношения экономических, материальных связей и связей волевых вообще и волевых имущественных в частности.

Им вскрыты реальные причины того, что такие выдающиеся представители субстантивистского направления, как К. Полани и Дж. Дэлтон, полностью признавая справедливость марксистского положения о примате экономики в применении к капиталистическому обществу, категорически отрицали его применимость к докапиталистическим обществам вообще, первобытному в первую очередь. Как убедительно показывает автор, суть дела в том, что докапиталистические экономические отношения, включая первобытные, определяли волю людей, а тем самым и их действия иным способом, чем капиталистические.

Капиталистические отношения прямо, непосредственно детерминируют поведение людей в сфере экономики и косвенно, через посредствующие звенья в иных областях. Первобытные же экономические отношения и в сфере экономики определяют поведение людей не прямо, а косвенно — прежде всего через волю общества, его мораль. В отличие от капиталистического общества, в котором экономические рыночные отношения прямо выступают как объективная сила, диктующая людям, как им поступать в сфере экономики (и не только экономики), в первобытном обществе требования экономики выступают прежде всего как веления нравственности. Поэтому внешне дело предстает так, как если бы в первобытном обществе мораль была единственной силой, определяющей поведение людей во всех сферах их жизни, включая экономическую. Но достаточно поставить вопрос о том, почему в ту эпоху мораль была именно такой, а не иной, почему основной нормой первобытной морали было требование к каждому члену общины делиться всем и прежде всего пищей с другими ее членами, как все становится на место. Данная нравственная норма была не чем иным, как проявлением и выражением общественной собственности на весь созданный членами общины продукт. В этой норме коммуналистическая собственность и коммуналистическое распределение выражались и закреплялись подобно тому, как в правовых нормах классового общества выражается и закрепляется господствующая в нем частная собственность.

Именно потому, что только с капитализмом экономические отношения выступили на поверхности, только с рождением капитализма возникла экономическая наука и притом как наука об одних лишь капиталистических рыночных отношениях. И в настоящее время все экономические теории, в том числе и претендующие на универсальность, как, например, маржинализм, являются концепциями капиталистической и только капиталистической экономики. Таким образом, Ю. И. Семенов создал не просто теорию первобытной экономики, но вообще первую теорию экономики, не являющейся капиталистической. И в этом смысле он совершил подлинный прорыв в развитии экономической науки.

Его монография — одновременно вклад в философию истории, политическую экономию и, разумеется, в этнологию. Причем речь идет не только об экономической этнологии. Создана Ю. И. Семеновым теория первобытной и предклассовой экономики является одновременно и общей теорией первобытного и предклассового общества, дающей ключ к пониманию как структуры, так и динамики этих обществ. За примерами не нужно ходить далеко. Общепринятым в нашей и не только нашей этнографической науке является взгляд на аборигенов Австралии как на представителей самой ранней из существующих стадий развития. Создав теорию первобытной и предклассовой экономики, выявив объективные признаки, отличающие одну стадию экономического, а тем самым и общественного развития от другой, Ю. И. Семенов сумел открыть то, что совершенно не заметили профессиональные австраловеды за всю историю этой научной дисциплины. Он установил, что никакого единого аборигенного общества, описанию которого посвящено множество работ, не существовало. Различные племена Австралии к моменту контакта с европейцами находились на разных ступенях общественного развития. Одни аборигенные общества были раннепервобытными, другие — позднепервобытными, третьи находились на стадии предклассового общества. Для последних было характерно существование зарождающейся частной собственности, эксплуатации человека человеком, значительного имущественного и социального неравенства. Примером могут послужить тиви о. Батерст и о. Мелвилл, детально описанные Ч. Хартом.

На мой взгляд, монография Ю. И. Семенова должна была бы стать настольной книгой для этнологов, причем не только для тех, кто занимается первобытным и предклассовым обществом, но и для специализирующихся на изучении крестьянских общин, а также для историков первобытности, археологов и экономистов, занимающихся докапиталистическими обществами. Но, увы, ею она не станет. На мой взгляд, появление монографии Ю. И. Семенова — очень крупное событие в развитии этнологии, первобытной истории, политической экономики и философии истории. Но вряд ли оно кем-либо было замечено.

Это связано в немалой степени с тем, что монография Ю. И. Семенова была напечатана на ротатипе тиражом всего лишь 250 экземпляров. Ни в какие книжные магазины или даже киоски она не поступала и разошлась почти мгновенно среди крайне узкого круга людей, так или иначе связанных с Институтом этнологии и антропологии РАН. Она почти не известна даже в научном мире Москвы, а за его пределы попали считанные экземпляры.

Я ни в чем не могу упрекнуть организацию, издавшую монографию Ю. И. Семенова, — Координационно-методический центр прикладной этнографии, возглавляемый Ю. Б. Симченко. Сам он и его сотрудники сделали все, что только от них зависело, и даже больше. За это им нельзя не выразить глубокую признательность. Иначе работа вообще могла бы не увидеть света.

Но теперь встает вопрос о возможно быстром переиздании этой ценнейшей работы, причем в лучшем оформлении и тиражом по крайней мере в несколько тысяч экземпляров. При переиздании желательным было бы, во-первых, сохранить в неприкосновенности прекрасный справочный аппарат книги, во-вторых, включить в нее в качестве приложения ту часть статьи Ю. И. Семенова «Переход от первобытного общества к классовому», в которой рассматриваются многообразные социально-экономические структуры поздних предклассовых и ранних классовых обществ.

При чтении монографии Ю. И. Семенова нельзя не испытать чувство гордости за отечественную этнологическую науку, способную в крайне стесненных условиях создавать труды, не только не уступающие, но намного превосходящие работы представителей западной социальной и культурной антро-

пологии. Ни одна из вышедших за последние десятилетия на Западе книг по экономической антропологии ни по богатству фактического материала, ни по глубине теоретического анализа не может сравниться с рецензируемой монографией Ю. И. Семенова. Это в полной мере относится и к таким несомненно ценным обобщающим работам, как «Экономическая антропология» М. Херсковитца и «Экономика каменного века» М. Салинза.

Н. Б. Тер-Акопян

© 1995 г., ЭО, № 1

Ученики — памяти учителей.

Этносы и этнические процессы. Памяти Р. Ф. Итса. М., 1993, 344 с.

Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л. Е. Куббеля. М., 1993, 336 с.

В 1993 г. почти одновременно, с разрывом всего в несколько месяцев, вышли в свет книги, посвященные памяти Р. Ф. Итса и Л. Е. Куббеля. Эти два выдающихся ученых были не просто коллегами и сослуживцами, но и сверстниками, однокашниками, близкими друзьями, и ушли из жизни с интервалом в полтора года, будучи еще в расцвете своих творческих сил. Это были яркие, светлые личности, и их окружала неподдельная любовь и преданность их друзей и учеников. Сегодня усилиями этих учеников их память увековечена книгами, почти одинаковыми по размеру и структуре. Обе книги — сборники научных статей, их открывает предисловие редактора, затем следует биографическая, глубоко эмоциональная статья о безвременно ушедшем ученом, достаточно полный и хорошо составленный список его трудов, что само по себе имеет большую и не только мемориальную, но и научную ценность, и ряд статей на различные темы. Оба сборника редактировал один ответственный редактор — В. А. Попов, и один издательский редактор — Н. В. Барнинова.

Рассмотрим сначала сборник памяти Р. Ф. Итса, который вышел на несколько месяцев раньше. «Предлагаемая читателю книга посвящена памяти выдающегося советского этнографа и востоковеда, доктора исторических наук, профессора Рудольфа Фердинандовича Итса (1928—1990) и представляет собой сборник статей, связанных с изучением ряда актуальных проблем этнологии и этнокультурной динамики у различных народов мира. Практически все авторы сборника — ученики Р. Ф. Итса, причем большинство из них — выпускники созданной им кафедры этнографии и антропологии Ленинградского университета» (с. 5). Этими словами начинается предисловие к рецензируемому сборнику. Нет слов, прекрасно, когда ученики хранят благодарную память о своем покойном учителе. Достоин восхищения, когда круг интересов и знаний учителя столь широк, что ученики его занимаются самыми разными направлениями этнологической науки — от процесса репродукции аборигенов Северной Сибири до этносоциальной истории оромо, от обстоятельств переселения туркмен на Северный Кавказ до биоэнергетических поверий и ритуалов современных хипствующих молодежных группировок, и притом утверждают, что их «статьи являются исследованиями тех областей этнологии и этнографии, которые входили в сферу научных интересов Рудольфа Фердинандовича» (там же). Не оспаривая этих слов, мне все же хотелось бы сказать, что для ученых моего поколения, сверстников, коллег и друзей Р. Ф. Итса, он был прежде всего выдающимся китаистом, исследователем этногенеза и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии, а также видным деятелем музейного строительства. В этом легко убедиться, заглянув в достаточно полную библиографию трудов ученого, имеющуюся в той же книге (с. 26 — 36) и насчитывающую 102 научные монографии и статьи, помимо множества рецензий, публицистических и научно-художественных произведений. Тем большим становится недоумение читателя, когда он видит, что среди 30 статей, вошедших в данный сборник, только статьи А. М. Решетова «Проблемы этнографии древних юз в отечественной науке» и Л. А. Ивановой «Хронологические аспекты атрибуции этнографического экспоната» непосредственно связаны с кругом основных интересов Р. Ф. Итса. Косвенно к ним примыкают статьи А. Ю. Синицына «К вопросу о боевом искусстве тхайн» (Бирма) и Е. С. Соболевой «Китайцы на Тиморе». Для остальных статей моменты переклички с тематикой трудов Р. Ф. Итса найти трудно. Это не значит вовсе, что они в данном сборнике неуместны: просто хотелось бы видеть в книге хотя бы десяток, если не более, работ, посвященных либо этническим проблемам Восточной Азии, либо музейным коллекциям, притом не случайно взятым экспонатам, а комплексам, действительно отражающим этническую историю того или иного народа. Однако таких статей в сборнике нет. Те же статьи, которые в ней есть, настолько различны не только по своей тематике, но и по уровню, и по масштабности сюжетов, что рецензирование этой книги представляло бы собой задачу невыполнимую, не будь она существенно облегчена наличием предисловия, где ответственный редактор В. А. Попов выделил среди статей несколько тематических блоков. Более того, он сумел в очень сжатой форме изложить основные идеи, достижения и выводы большинства статей, так что предисловие к книге могло бы быть и рецензией на нее или ее рефератом. Основные блоки, которые выделяет В. А. Попов, суть следующие: теория этноса и методология изучения этнической истории (на материалах юз, угров, сартов и общелитературных), различные аспекты ма-